

М. Р. ФЕДОТОВ (Чебоксары)

О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СООТНОСИМОСТИ ПЕРМСКОГО *эн* И ЧУВАШСКОГО *ан* В ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФОРМЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В тюркских и финно-угорских языках Поволжья и Перми отрицательная форма повелительного наклонения 2-го лица представлена следующим образом:

Таблица 1

	ед. число	мн. число
чув.	<i>ан кай</i> 'не уходи'	<i>ан кайяр</i> 'не уходите'
татар.	<i>кит-мә</i> „	<i>кит-мәгез</i> „
башк.	<i>кит-мә</i> „	<i>кит-мәгез</i> „
удм.	<i>эн мын</i> 'не иди'	<i>эн мынэ</i> 'не идите'
коми	<i>эн мун</i> „	<i>эн мунӧй</i> „
эрз.	<i>иля яка</i> 'не ходи' (ср. фин. <i>älä lue</i> 'не читай')	<i>илядо яка</i> 'не ходите' (ср. фин. <i>älkäy lukeko</i> 'не читайте')
мокш.	<i>тят яка</i> 'не ходи'	<i>тяда яка</i> 'не ходите'
мар.	<i>ит луд</i> 'не читай'	<i>ида луд</i> 'не читайте'

Из приведенных примеров шесть составляют типологическую общность, тогда как татарские и башкирские отрицательные формы повелительного наклонения образованы по единому типу отрицательного спряжения изъявительного наклонения, т. е. присоединением того же отрицательного аффикса *-ма*, *-мә* по неизменной во всех временах схеме: основа (корень) + аффикс отрицания + аффикс времени + аффикс лица + аффикс числа; например, татар., башк. *син язмадын* 'ты не писал', *син китмәден* 'ты не ушел' и т. д. В чувашском языке отрицательная форма спряжения в изъявительном наклонении образуется в общетюркском плане, а именно с помощью того же тюркского аффикса *-ма*, *-ме* и по той же схеме, например: *эсӗ сыр+ма+рӑн* 'ты не писал', *эсӗ кай+ма+рӑн* 'ты не ушел'. Что касается отрицательной формы повелительного наклонения, то она резко отличается от других тюркских образцов (табл. 1).

Прежде всего бросается в глаза звуковое и смысловое сходство чувашской и пермских отрицательных конструкций, причем звуковую общность вряд ли можно объяснить случайным фонетическим совпадением. Если это так, то мы вправе допустить одно из двух решений: либо предки удмуртов и коми еще в пору пермской общности языков

(до VIII века н. э.) заимствовали древнечувашское *эн (> чув. ан), либо, наоборот, пермское эн в качестве отрицательного форманта было повсеместно усвоено чувашами.

В. Г. Егоров высказывается в пользу второго предположения: «Употребление отрицательной частицы ан в формах повелительного наклонения можно объяснить только на основе наличия этой частицы (эн) в удмуртском и коми языках». ¹ Он же пишет: «По-видимому, еще в глубокой древности частица эта заимствована была чувашами от удмуртов». ² Главным аргументом для такого утверждения В. Г. Егоров выдвигает тот факт, что «соответствий ему (препозитивной отрицательной частице ан — М. Ф.) в других тюркских языках не имеется». ³

До разбора других точек зрения мы должны попытаться ответить на вопрос, не родственны ли финно-угорские отрицательные глаголы изъявительного наклонения в настоящем-будущем времени с отрицательными глаголами повелительного наклонения, например: удм. *уд* (*уд мынйськы* 'ты не идешь') с удм. *эн* (*эн мын* 'не иди'), коми *он* (*он мун* 'ты не идешь') с коми *эн* (*эн мун* 'не иди'), мар. *от* (*от луд* 'ты не читаешь') с мар. *ит* (*ит луд* 'не читай'), эрз. *а* (*а якат* 'ты не ходишь') с эрз. *иля* (*иля яка* 'не ходи'). Приведем таблицу спряжения отрицательного глагола в финском, коми, удмуртском, эрзянском, мокшанском и мари языках.

Таблица 2

Языки	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
	ед. ч.	ед. ч.	ед. ч.	мн. ч.	мн. ч.	мн. ч.
фин.	<i>e-n</i>	<i>e-t</i>	<i>ei</i>	<i>e-mme</i>	<i>e-tte</i>	<i>ei-vät</i>
коми	<i>o-g</i>	<i>o-n</i>	<i>o-z</i>	<i>o-g</i>	<i>o-n</i>	<i>o-z</i>
удм.	<i>y-g</i>	<i>y-d</i>	<i>y-g</i>	<i>y-m</i>	<i>y-d</i>	<i>y-g</i>
эрз.	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
мокш.	<i>a-ф</i>	<i>a-ф</i>	<i>a-ф</i>	<i>a-ф</i>	<i>a-ф</i>	<i>a-ф</i>
мар. луг.	<i>o-m</i>	<i>o-t</i>	<i>o-геш,</i> <i>o-к</i>	<i>o-гына,</i> <i>o-на</i>	<i>o-гыда,</i> <i>o-да</i>	<i>o-гыт</i>
мар. горн.	<i>a-m</i>	<i>a-t</i>	<i>a-геш, a-к</i>	<i>a-на</i>	<i>a-да</i>	<i>a-гыт</i>

Из таблицы видно, что кажущийся разноречивой начальных гласных подчиняется межъязыковым соответствиям: удм. *y* ~ коми *o*, мар. луг. *o* ~ мар. горн. *a*, мар. луг. *o* ~ морд. *a*, мар. горн. *a* ~ морд. *a*. Таким образом, можно предположить, что еще в период прибалтийско-финско-пермской общности существовал какой-то этимологический отрицательный глагол. Дюла Дечи полагает, что основой для этих отрицательных глаголов (он приводит примеры из финского, марийского и коми языков) могли быть восстанавливаемые формы **erä* ~ **ora*. ⁴

На основании этого предположения мы не можем сказать, что чувашская отрицательная форма повелительного наклонения *ан* пермского происхождения. Однако это финно-угорское этимологическое **e-*, или **o-*, в семантическом плане соотносимо с алтайскими формами от-

¹ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, Чебоксары 1954, стр. 45.

² В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 26—27.

³ Там же.

⁴ Gy. Décsy, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1965, стр. 182.

рицания: тунг. *e-*; встречающееся в тюркских языках и выражающее невозможность слово *ämä*, которое, по Рамstedту, образовано от отрицания *e-*.⁵ Рамstedт пишет, что «тюркский язык с древних времен знает и другую форму повелительного наклонения, которая характеризуется окончанием *-η*: др.-тюрк. *taşuqun* "выйди! выйдите вон!", *içikin* "войди!", *bolun* "будь!", *tutan* "держи (хватай)!"». Этот *-η* является, вероятно, тем же элементом, который в монгольском языке проявляется более самостоятельно в форме *-ön*: *sūrga* = *sūrgōn* "посади его (ср. р.), попроси его сесть". К этой же категории относится также чув. *an* (запретительная частица) от **en* негативного глагола **e*.⁶

О судьбе спорного препозитивного отрицательного форманта повелительного наклонения в чувашском языке категоричнее всех высказался Г. Д. Санжеев: «Чувашский язык по наличию в нем препозиционной отрицательной частицы *an* < **e-n* 'не' выпадает из тюркской семьи и вместе с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и финно-угорскими языками включается в другую группу языков. Здесь сравнительно-исторический метод может лишь дать генетическое толкование данной чувашской частице, возводя ее вместе с монгольской *e-se* 'не' и эвенкийской *emi* и *есин* 'не' к праформе **e-*. Однако, вероятно, сопоставление этой чувашской частицы с соответствующими формами соседних финно-угорских языков сможет объяснить, почему в данном отношении чувашский язык отличается от всех прочих тюркских языков: по-видимому, контакт этого языка с финно-угорскими способствовал сохранению в нем обозреваемой части (возможность заимствования чувашами этой частицы из какого-то соседнего неалтайского языка исключается)». ⁷

В заключение статьи напомним, что предки современных удмуртов и коми еще в период их общепермской языковой общности, в течение примерно двух столетий, вплоть до VIII века находились под сильным влиянием тюркоязычных болгарских племен, одно из которых с языком чувашского строя оказало на пермяков огромное по тому времени влияние, что доказывается наличием в коми языке нескольких десятков слов чувашского происхождения, не говоря уже о сотнях чувашских заимствований в удмуртском языке, носители которых оставались дольше в сфере влияния болгар.

Поэтому вполне вероятен факт заимствования чувашской частицы *an* пермскими языками, тем более, что имевшийся в их языке отрицательный финно-угорский глагол **e-* типологически составлял единство с древнечувашской **en* > чув. *an*. Чувашское начальное *a* объяснить нетрудно, ибо в ту эпоху шел усиленный процесс расширения тюркских узких гласных, о чем свидетельствуют многочисленные тюрко-чувашские соответствия: тюрк. *ek-* ~ чув. *ак* 'сеять', ср. удм. *акашка* (< чув. *акашки*) 'праздник сева'; тюрк. *el* ~ чув. *ал*, *алä* 'рука' и т. д.

В немалой степени усвоению пермскими языками древнечувашской отрицательной частицы **эн* (> чув. *ан*) содействовало и то, что повелительное наклонение в пермских языках, а также в марийском в отличие от других финно-угорских языков, где имеется специальный показатель повелительного наклонения *-k*, образуется по одному типу с

⁵ М. Räsänen, Über die ural-altäische Sprachwissenschaft, Helsinki 1965, стр. 162.

⁶ Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 82.

⁷ Г. Д. Санжеев, Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике. — Лингвистическая типология и восточные языки, Москва 1965, стр. 80.

тюркскими, т. е. форма повелительного наклонения 2-го лица ед. числа является основой глагола: чув. *кай*, татар., башк. *кит* 'уйди', ср. удм. *мын*, коми *мун* 'иди' и др.

Таким образом, чувашский язык при образовании отрицательной формы повелительного наклонения сохранил одну из древнейших черт алтайской общности языков, которая была усвоена финно-угорцами пермской языковой общности.

М. Р. FEDOTOV (Сёбoksary)

ZUR FRAGE DER GENETISCHEN ÜBEREINSTIMMUNG DER PARTIKEL *an* IM TSCHUWASCHISCHEN MIT *en* IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN BEI DER BILDUNG DES NEGATIVEN IMPERATIVS

Zu einem der merkwürdigsten Kennzeichen des Tschuwaschischen, das das letztere von den anderen Türksprachen scharf unterscheidet, gehört der negative Imperativ, der im Tschuwaschischen wie auch in den permischen Sprachen durch das Vorsetzen von *an* (tschuw.) und *en* (udm. und komi) von der 2. und 3. Person des Singulars und Plurals gebildet wird: tschuw. *an kai* (vgl. tat., baschk. *kit-mä* 'gehe nicht fort'), udm. *en m̄n*, komi *en mun* 'gehe nicht' usw.

Wenn wir nun das tschuwaschische *an* (altschuw. **en*) und permische *en* vergleichen, so ist ihre Übereinstimmung kein Zufall, denn wir haben zum tschuwaschischen *an* in den altaischen Sprachen sichere Entsprechungen, die sich vom Verbstamm *e-* bildeten.

An Hand der genetischen und typologischen Verwandtschaft des tschuw. *an* mit den negativen Partikeln in den altaischen (türkischen, mongolischen und sogar tungusischen) Sprachen und der strukturellen Übereinstimmung in der Bildung des Imperativs im Gemeintürkischen und in den permischen Sprachen (in der 2. Person steht nur der Verbstamm) dürfte anzunehmen sein, daß die in dem Permischen auftretende Verneinungspartikel altschuwaschischer Herkunft ist, die noch zur Zeit des Zusammenlebens der Vorfahren der heutigen Udmurten und Komi entlehnt worden war.